

Джейк Коггинс

Эволюция вооружения европы

ОТ
ВИКИНГОВ
ДО
Наполеоновских
войн

Джек Коггинс

Эволюция вооружения

Европы. От викингов до

Наполеоновских войн

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614615

Эволюция вооружения Европы. От викингов до Наполеоновских войн:

Центрполиграф; М.; 2009

ISBN 978-5-9524-4226-9

Аннотация

Книга известного ученого Джека Коггинса представляет подробнейший обзор эволюции вооружения Европы. Исследование включает историю развития оружия, обмундирования и классификацию военных чинов, характерных для ведущих мировых держав. Применение различных видов оружия рассматривается на примере ведения боя у викингов, испанцев, британцев, шведов и французов. Перед читателем возникает целостная картина развития военного дела Европы, важным этапом которого стало появление огнестрельного оружия.

Содержание

ВИКИНГИ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джек Коггинс

Эволюция вооружения Европы. От викингов до Наполеоновских войн

ВИКИНГИ

Достаточно сложной представляется задача – особо выделить какие-то племена из множества их, сражавшихся на руинах Западной Римской империи. Готы и гунны, вандалы и франки, англы и саксы да и множество других варваров волнами накатывались на ее обломки и друг на друга, чтобы вместе с выжившими выходцами из отдаленных провинций в урочное время заложить фундамент населения новой Европы. В V столетии готы и римляне объединились, чтобы одержать последнюю крупную римскую победу. Двадцать пять лет спустя после поражения Аттилы при Шалоне был низложен последний император Западной Римской империи – юноша с историческим именем Ромул Августул. И вплоть до 800 года, когда Карл Великий был коронован папой Львом III в соборе Святого Петра, ни один человек не мог предъявить свои права на императорский титул. Но еще

до того, как этот гигант (как в переносном смысле, так и буквально – он был ростом около двух метров) создал свою империю, протянувшуюся от Эльбы до Пиренеев, другой Карл, грозный Мартелл («Молот»), отразил исламское вторжение во Францию.

Обитатели Западной Римской империи отнюдь не были новичками на поле брани; почти постоянные войны между собой и угроза со стороны все возрастающей мощи ислама не позволяли им держать свои мечи тупыми. И все же орды викингов – воинственных полудикарей, населявших север континента и Британские острова, – наводили ужас даже на этих бывалых воинов. Одного только вида их парусов и невысоко поднимающихся над водой бортов их длинных судов – драккаров – хватало, чтобы по всему побережью загорались тревожные сигнальные костры, а обитатели побережья спешили укрыться в ближайший укрепленный город или скрывались в глубине страны. Ни церковь, ни монастырь не могли стать убежищем от яростных набегов язычников, поклонявшихся Тору и Одину. Пришедшие с далекого севера Европы, они бороздили на своих драккарах воды большей части заливов и речных устьев Западной Европы и доходили до самого Константинополя. Истерзанные войнами страны Запада только-только начали приходить с себя после последних страшных битв времен Римской империи и не имели сил противостоять этим варварским набегам. Благочестивые жители Европы видели в них знак Божьего гнева, подоб-

но своим предшественникам, называвшим Аттилу «бичом Божиим», и извлекали из своих тайников запрятанные ценности, чтобы откупиться от лихих пришельцев.

Нельзя сказать, что скандинавские воины были совершенно непобедимы. Иногда они наталкивались на ожесточенное сопротивление, и, поскольку их целью в большинстве случаев была добыча, они возвращались на свои драккары с пленниками и трофеями. Там, где жители какой-либо местности имели сильного предводителя, который обладал достаточной волей и мог собрать вооруженную рать и повести ее за собой, викинги обычно оставляли подобные местности в покое. Но в большинстве поселений не было сколько-нибудь организованных сил для отпора вторгшимся грабителям. Общий упадок всех гражданских властей и неспособность местных правителей осуществить что-либо, кроме самого слабого контроля над населением, сводили на нет все попытки совместных действий.

Противостоять пиратам всегда было сложной задачей, даже во времена расцвета Римской республики и на ранних этапах империи. В отсутствие сильной, деятельной центральной власти не могло быть и мысли о создании постоянных военно-морских сил. В лучшем случае приходилось рассчитывать на несколько рыбацких или купеческих суденышек, поспешно собранных вместе и столь же поспешно распущенных, как только исчезала непосредственная угроза вторжения.

Скандинавские мореплаватели – а они тогда были лучшими моряками во всем мире – имели почти ничем не ограниченную свободу действий и могли высаживать на берег свои команды грабителей везде, где хотели. Речные пути Европы были их торными дорогами, а маневренность их отрядов особенно разительно выделялась на фоне медлительности обороняющихся, сдерживаемых почти несуществующими путями сообщений. Эта их способность наносить удары там, где имелось хотя бы немного воды, по которой могли бы пройти их длинные драккары, была особенно обескураживающей. В большинстве случаев к тому времени, когда местные правители собирали достаточные силы, чтобы выступить против пришельцев, они уже исчезали, уводя с собой пленников, захватив все сколько-нибудь ценное и оставив после себя пылающие жилища и многочисленные трупы местных жителей.

Позднее норманны начали предпринимать свои походы не только для грабежа – во многих случаях земли, а не добыча стали целью их набегов, и их предводители обзаводились все более обширными владениями на завоеванных территориях.

Причины, по которым произошел столь масштабный бросок скандинавов в Западную Европу в IX и X столетиях, достаточно трудно объяснить. Что побудило население этих стран внезапно ринуться на юг именно в это время и только затем, чтобы вскоре снова вернуться к прежнему образу жизни, – представляет собой загадку, на которую мы никогда не найдем ответа. Безусловно, страны Севера были весь-

ма неблагоприятны для проживания и не могли обеспечить сколько-нибудь значительное увеличение числа своих обитателей. Как бы то ни было, к концу VIII столетия значительное число обитателей Северной Европы пришло в движение и, будучи народом мореходов с раннего детства, совершенно естественно искало свою судьбу именно на морях. Начиная с последних десятилетий VIII века число и интенсивность их набегов резко возрастает, а к середине IX века пиратство буквально становится индустрией – стаи мародеров все чаще набрасываются на обитателей юга.

ПОХОДЫ И ВТОРЖЕНИЯ ВИКИНГОВ
постоянные поселения отмечены
крестиками

У берегов европейских стран стали появляться уже не отдельные суда, а целые флотилии драккаров. У норманнов вошло в обычай зимовать прямо на побережье или неподалеку от того района, где шансы на хорошую поживу были достаточно велики. Сначала они действовали по традиционной схеме: занять остров неподалеку от побережья, потом найти уже на побережье место, где можно легко обороняться, и создать там охраняемую базу для будущих операций. По-

скольку нападавшие вели себя все более нагло, жители таких местностей, чтобы спастись, в большинстве случаев бросали свои дома и поселки и всем миром укрывались в глубине страны. Моряки всегда славились своей способностью приноравливаться к новым обстоятельствам, и скандинавы не были исключением из этого правила. Они стали прежде всего грабежом добывать в прибрежных районах лошадей, а потом отправлять в глубь страны конные банды, опустошавшие поселения, которые полагали себя в безопасности.

Общим названием для норманнов, которое обозначило даже целый период истории, характеризующейся многочисленными разбойными набегами и распространением норманнских завоеваний и поселений, стало слово «викинги». Это слово производится от норвежского *vik*, обозначающего залив или бухту, которое вполне оправданно применимо к тем, кто живет на воде и занимается торговлей и пиратством. Оно стало со временем обозначать любого скандинава той эпохи, хотя похоже, что более оседлые норвежцы относились к викингам вполне определенно – примерно так же, как приграничный фермер Дальнего Запада смотрел на лесного жителя-траппера, считая его наполовину торговцем, а больше драчуном, искателем приключений, охотником за скальпами – в общем, человеком, от которого одни неприятности.

Однако даже самые уважаемые землевладельцы недолго раздумывали перед тем, как принять участие в летних набегах викингов. Довольно часто эти грабительские набеги со-

единялись и с торговыми операциями, хотя есть основания полагать, что во многих подобных случаях «торговцы» платили только тогда, когда продавцов не представлялось возможным просто ограбить. Подобные нравы в те времена отнюдь не были в новинку, и обычный купец-мореплаватель античного мира да и в Средние века был наполовину пиратом – так же хорошо знакомым с абордажным крюком, как и с более мирными приемами своей профессии. Не брезговали норманны, если представлялась такая возможность, и грабежом друг друга. Национальные чувства не играли при этом никакой или почти никакой роли. Между кровными родственниками или соседями еще могли быть определенные связи, но в общем и целом каждый человек был только сам за себя, и царил сильнейший.

Какими бы безжалостными и свирепыми ни были норманны, они все же обладали культурой куда более высокой, чем та, которая им обычно приписывается. Во многих отношениях скандинавская цивилизация даже превосходила уровень саксонских, франкских и тевтонских царств, расположенных южнее. А там, где норманны создавали постоянные поселения, они воспринимали лучшие черты культуры покоренных ими народов. По большому счету влияние северной крови и культуры было большим подарком покоренным странам. Однако непросто быть объективными по прошествии стольких веков, и нескандинавы VIII или IX столетий вряд ли усмотрели что-нибудь ценное в том, что принесли им викинги.

Что касается оружия и защитного снаряжения воина-викинга, то они мало чем отличались от того, чем располагали те, на кого пришелся удар норманнов. Основным оружием пришельцев были мечи, копья и боевые топоры, хотя свою долю в их победы вносили и луки, а искусные лучники коти-ровались весьма высоко. Широко были распространены железные шлемы, порой украшенные рогами или крыльями ворона. Для защиты тела служили *brynjas*, или рубахи, обычно с короткими рукавами, из плотной материи или кожи, на которые были нашиты перекрывающие друг друга полосы или чешуйки из железа. Такие чешуйчатые куртки были часто распространены, хотя еще более широко применялись, особенно в позднейшие времена, кольчуги, которые, как представляется, были известны в странах Севера с древнейших времен. Некоторые из них славились своей прочностью и искусной работой: «Хьялмар сказал: я хочу сразиться с Ангантиром, потому что у меня есть *brynjas*, в которой я никогда не был ранен; она сделана из сложенных вчетверо колец» (Старшая Эдда).

Далеко не каждый воин обладал подобным защитным доспехом. В саге о святом Олафе говорится, что королевская дружина «была так хорошо экипирована, что у каждого из них была *brynjas* и только поэтому никто из них не был ранен».

Щиты делались круглыми, по крайней мере в начале эпохи, и изготавливались из дерева. Многие из них оковывались

по краю железом, а в центре часто имелся шишак – причем иногда с ручкой. Почти всегда щиты раскрашивались, иногда сложными и фантастическими узорами, но чаще одной краской. Позднее (около 1000 года) щиты становятся суженными книзу. Во время морских переходов щиты крепились вдоль бортов на планшире, где они никому не мешали, но придавали драккару особо грозный вид и служили для прикрытия гребцов.

Однако встречающиеся изображения драккаров, идущих под парусом с висящими вдоль борта щитами, не соответствуют реалиям. В таком случае было бы достаточно малейшего ветерка, чтобы щиты оказались за бортом. Щиты, найденные на драккаре из Гокстада, имели три фута (около метра) в диаметре и были расписаны черной или желтой красками.

Мечи, употребляемые викингами, были двух видов: прямые обоюдоострые либо однолезвийные *saxes*. Последние были короче, обычно имея длину 24 дюйма, и отличались более широким клинком. Обушок однолезвийных *saxes* от эфеса до острия выполнялся выпуклым. Будучи самым ценным достоянием воина, меч часто инкрустировался золотом или серебром, а эфес и ножны богато украшались. Процесс выплавки стали с добавлением углерода был еще неизвестен, и различные регионы славились выплавляемым металлом в зависимости от природных свойств местной руды. Разумеется, большое влияние на качество готового изделия оказыва-

ло профессиональное искусство мастера-оружейника, и оружие работы известных мастеров ценилось весьма высоко.

В «Саге об Олафе Трюггвасоне» мы читаем: «Король Ательстан дал ему меч с рукоятью и перекрестьем из золота, но клинок превосходил их; этим клинком Хакон разрубил мельничный жернов до отверстия в центре... Лучшего меча Норвегия еще не знала».

Самые знаменитые клинки получали собственные имена. Являясь сами по себе великолепным оружием, они еще делили и славу своих отважных и искусных во владении оружием хозяев. Многие клинки, как считалось, были наделены магическими свойствами; они либо «ковались богами», либо получали такие свойства от заговоров и ритуалов во времяковки, а порой и от нанесенных на них тайных знаков. Наиболее знаменит был, пожалуй, легендарный Тирфинг, меч Сигурлами, сына Одина. По свидетельству автора саги, он сиял ярче солнца, поражал врага, едва был вынут из ножен, и всегда приносил победу своему владельцу. Некоторые клинки получали имена в честь того или иного присущего им качества. Меч Ательстана, которым Хакон рассек жернов, звался, разумеется, Квернбит, то есть «Гроза жерновов». Король Магнус имел меч с перекрестьем из моржового клыка и крытой золотом рукоятью, звавшийся Легбит, или «Гроза ног».

«Храунгвид сказал: «Я сеял смерть и разрушение тридцать три года, зимой и летом, я сражался в шестидесяти битвах, выиграв большинство из них; меч мой зовется Бринтва-

ри, и он никогда не тупился».

Мы можем сомневаться в сверхъестественных свойствах этого знаменитого оружия, но его психологический эффект мог быть весьма значительным. Торнстену Викинсону был вручен меч: «Имя его было Ангрвадил, и победа всегда следовала за ним. Отец мой взял его у убитого им Бьёрна Синезубого...» Позже Викинсону пришлось вступить в бой с неким Хареком.

«Когда Викинг обнажил его, словно блеснула молния. Харе́к, увидев это, произнес: «Я никогда не стал бы сражаться с тобой, знай я, что у тебя есть Ангрвадил... какое несчастье, что наша семья лишилась его». И в этот момент Викинсон снес голову с плеч Харека и разрубил его надвое, от плеч и до ног, так что после этого удара меч вошел в землю по рукоять» («Сага о Торнстене Викинсоне»).

У нас нет возможности судить об относительности достоинств Викинсона и Харека как фехтовальщиков, но совершенно ясно, что в самый критический момент последний больше думал об утрате семейного достояния, чем о самозащите.

В периоды мира существовал обычай носить мечи, перевязанные ремешком, называвшимся «лента мира». Этот ремешок обвивал ножны и проходил через эфес, так что его надо было предварительно снять, чтобы обнажить меч. Кроме того, что это было признаком цивилизованности и вежливости, в обществе скорых на руку воинов обычай этот слу-

жил также предотвращению ненужных осложнений.

Широкое распространение в качестве оружия получили и боевые топоры, которые часто тоже украшались золотом или серебром. Топоры эти имели различную форму и размеры, некоторые из них делались с очень широким лезвием. Такие топоры имели длинную рукоять, чтобы, сражаясь, можно было держать их обеими руками. Копья тоже разнились по типам – некоторые служили только в качестве метательного оружия, другие больше напоминали алебарду, третьи использовались как тяжелое колющее оружие. Острия некоторых видов дротиков имели зазубрины. У колющих копий, разумеется, не было никаких приспособлений для того, чтобы затруднить их извлечение из раны. Отдельные разновидности этого оружия имели острия 15 и более дюймов в длину. В отрывке из «Саги Егила», повествующей о крупном сражении при Брунанбурге, приводится описание одного из типов колющего копья, применяемого как тяжелое орудие для пробивания доспехов: «...у него (Торольфа) также было в руке копье, наконечник которого имел в длину четыре фута, а острие было четырехгранным, нижняя же часть наконечника расширялась, переходя в длинное гнездо с толстыми стенками, куда вставлялось древко копья. Древко же не превышало в длину человеческой руки, но было очень толстым. В гнезде для насадки имелся штифт, а все древко окковано было железом».

Длинные и тяжелые наконечники копий использовались

как для нанесения колющих ударов, так и для оглушения.

«Торольф, держа копье обеими руками, бросился вперед, разя им направо и налево, как дубиной. Воины врага разбежались перед ним, но он многих поверг на землю. Так он проложил себе путь к знамени Хринга, и ничто не могло противостоять ему. Он сразил воинов, стоявших у знамени, и перерубил древко. Затем он ударил копьем в грудь ярла (предводителя), пробив насквозь кольчугу его и грудь, так что острие копья вышло между лопаток. Он поднял тело ярла на копье над своей головой и воткнул древко копья в землю. Ярл испустил дух на копье, на виду у врагов и друзей».

Из всего множества норвежских копий до нашего времени сохранились только наконечники, но случайные находки в болотах или могильниках позволяют нам восстановить их внешний вид. Известная находка в болоте у селения Вимозе содержала свыше тысячи наконечников, но только пять полностью сохранившихся копий. Это сохранившееся оружие достигало в длину от 6,5 до 11 футов.

Норвежские луки делались из дерева: из вяза или, намного реже, из тиса – и обычно имели длину около пяти футов. Стрелы различались по длине, в зависимости от веса и размера лука. Древки стрел, найденных в болоте под Торсбьёром, варьировались по размеру от 26 до 35 дюймов, имея при этом около полудюйма в диаметре. Самые длинные предназначались для значительного по размерам лука, причем тетива, по всей видимости, оттягивалась до самого уха, как это

делали и английские лучники более поздних времен.

Норвежцы, ценившие поэзию и искусство стихосложения наравне с воинским искусством, дали много поэтических названий своему оружию и защитному вооружению. Так, мечи именовались, помимо прочего, «блеск битвы», «волк раны», «ненавистник кольчуг», «язык ножен», «огонь щита».

Копья получают в сагах поэтические имена – «трость Одина», «летучая змея», «летающий дракон раны». Боевые топоры, многие из которых были ужасным оружием – с широким лезвием, великолепно сделанные и украшенные, – превращались в поэтических строках в «ведьму шлема», «грозу щитов».

Стрелы именовались «градом битвы», «птицею лука», «летающим древком» и многими другими подобными названиями. Свои, порой весьма вычурные, имена имели и щиты: «укрытие битвы», «сеть для стрел», «стена битвы», «крыша жилища Одина». *Brynjas* получали такие имена, как «кафтан битвы», «камзол Одина», «волк копий», «вязанье войны» и др.

И совершенно естественно, что столь любимые викингами драккары тоже получали в сагах поэтические имена: «Олень прибоя», «Морской конь», «Сани морского короля», «Чайка фьорда», «Ворон ветра», «Морская цапля» и др. Само же море именовалось как «страна кораблей», «дорога морского короля», «ожерелье суши»; а ветры и шторма становились «убийцами кораблей», «волками парусов», «уничтожителя-

ми лесов» и т. п. Такими аллюзиями пересыпаны тексты саг, создавая специфическую смесь поэзии и варварства, в точности соответствуя природе викингов той отдаленной эпохи.

Физическая сила и искусство обращения с оружием, естественно, были весьма значимым фетишем для скандинавов, как и для всех полуварварских народов. Нет ничего удивительного в том, что в цивилизации, где физическая сила в большинстве случаев знаменовала собой право и где сила человека и искусство в обращении с оружием в значительной степени определяли его положение в обществе, воинская подготовка и атлетические упражнения занимали значительную часть времени подростка. Скандинавы выросли очень рано, как и большинство людей тех лет. Шестнадцатилетний юноша уже вполне мог считаться испытанным воином.

Норвежцы, как представляется, обожали соревноваться только ради славы, хотя во многих состязаниях и устанавливались определенные награды. Саги буквально переполнены различными описаниями (весьма нудными, надо признать-ся) знаменитых прыжков или выстрелов либо повествованиями о необычайных соревнованиях в силе. Даже предполагая некоторые преувеличения, нельзя не признать, что они создают представление о чрезвычайно мужественном и стойком народе, привыкающем с колыбели переносить трудности и постоянно готовом к сражениям. Одновременно стремились не пренебрегать разносторонним развитием личности. Хотя человек мог оставаться незнакомым с чтением, пись-

мом и счетом (да эти таланты, как правило, были ему и не нужны в жизни), хорошо воспитанный норвежец из хорошей семьи должен был быть в состоянии подыграть себе на арфе, распевая под ее звуки песню, которую он тут же сочинил по тому или иному случаю. Он также должен был знать на память длинные отрывки из различных саг, уметь играть в шашки и шахматы, загадывать и отгадывать сложные загадки, которые составляли, похоже, любимую забаву этого народа.

Бег наперегонки, скалолазание, прыжки, плавание и борьба были чрезвычайно популярны. Даже игры с мячом изобиловали такими жестокостями, что могли удовлетворить самых кровожадных зрителей. «...Игра была очень жесткая, и к вечеру шестеро из людей Страндира были мертвы, из людей же Ботна никто не пострадал; когда же стемнело, обе команды разошлись по домам».

Имеются в сагах и упоминания о менее жестоких ежедневных упражнениях. «...И на следующее утро братья занялись игрою в мяч и провели за нею весь день; они грубо толкали людей, и те грохались на землю, а кое-кого избивали. К вечеру у трех игроков были сломаны руки, а многие были искалечены...»

Даже невинные на первый взгляд развлечения вроде перетягивания каната могли закончиться серьезными травмами. «Король сказал: «Завтра в этом зале мы будем перетягивать над огнем очага овечью шкуру...» Король повелел принести

им шкуру. Они стали тянуть ее каждый на себя изо всех сил, едва спасаясь от падения в огонь... Хьёрд сказал Хастиги: «Погоди, сейчас я потяну изо всех сил, и ты не долго проживешь». – «Проживу», – ответил Хастиги. После этих слов Хьёрд со всей силы дернул шкуру, и втянул Хастиги в огонь, и набросил шкуру на него; потом прыгнул ему на спину, а затем пошел к своей скамье...» («Сага о Хьялматере и Ольверсе»).

Плавание, так же как и бег и прыжки, часто происходило в полном воинском снаряжении.

«Затем он (Эгиль) взял свой шлем, меч и копье; он отломил древко копья и бросил его в воду; он завернул свое оружие в свой плащ, сделав из него сверток, и привязал его за спиной. Он прыгнул в воду и поплыл через залив к острову» («Сага об Эгиле»).

Разумеется, главным достоинством воина было его искусство в обращении с оружием. «Сага о Трюггвасоне» повествует о великом короле Олафе¹ следующее: «Король Олаф во всех отношениях, кто бы ни говорил о нем, был величайшим в Норвегии знатоком оружия, он был самым искусным и самым сильным воином, и много повествований о его искусстве было записано... Он мог одинаково искусно сражаться обеими руками и бросать два копья зараз».

¹ Олаф II Норвежский (Олаф Святой, Олаф Харальдсон – ок. 995–1030) – норвежский король, завершивший введение христианства в стране. После смерти был причислен к лику святых и стал почитаться как покровитель Норвегии.

Про него также рассказывали, что он мог обежать вокруг драккара, ступая с одного весла на другое, которыми в это время продолжали грести, да еще при этом жонглируя тремя ножами. Сага полна описаниями великих подвигов короля, в которых он превосходит всех своих соперников в стрельбе, беге, плавании и скалолазании. Но и все великие военачальники и короли должны были побеждать в некоторых из этих видов единоборств – если бы они не были способны на такое, то быстро потеряли бы всякое уважение.

В большом почете было и метательное оружие, и в сагах мы постоянно встречаем повествования о выдающихся бросках дротиков и о стрелах, пущенных так, что они расщепляли другие, уже сидящие в мишени. Деяние, аналогичное трюку Вильгельма Телля, упоминается в ряде повествований, а в одном из них место яблока даже занимает орех.

Одинаково свободное владение мечом и копьем любой рукой было весьма полезным достоинством – неожиданный переброс меча из одной руки в другую часто приводил к решающему результату во время боя. «Сага о Фаеринге» повествует о некоем Зигмунде, который «показал свое искусство. Он подбросил свой меч в воздух и перехватил его левой рукой, перебросив щит на правую руку, и ударил Рандвера мечом, отрубив ему правую ногу ниже колена».

Подобно всем людям, находящимся на подобной ступени развития и культуры, норвежцы не сразу пришли к пониманию необходимости определенного строя для успешного

сражения. Целью каждого честолюбивого воина было прослыть искусным бойцом. Как указывает один из авторов саг, это было нелегкой задачей среди людей, «одинаково храбрых и безрассудно играющих своими жизнями, искусно владеющих оружием».

Но уже начинало появляться что-то вроде общественно-го мнения, и случалось так, что местная знаменитость по части владения оружием становилась также и местной головной болью и порой была вынуждена искать себе место где-нибудь в не обжитых еще районах, предпочтительно в далекой Гренландии, подальше от доведенных до бешенства соседей.

«Во времена Хакона, приемного сына Ательстана, жил в Норвегии Бьёрн-Буян, который был берсерком². Он странствовал по всей округе и вызывал воинов на поединок, если они противоречили ему» («Сага о Гисли Сурссоне»).

«В стране (Норвегия около 1050 г.) считалось позорным явлением, что пираты – к этому времени слова «пират» и «викинг» стали считаться синонимами – и берсерки могут спокойно разгуливать везде, где хотят, и вызывать почтенных людей на дуэль, где ставкой бывают их деньги или их женщины, причем в случае смерти не платился никакой штраф. Многие из вызванных лишились денег и получили

² Берсеркер (берсерк) – викинг, посвятивший себя богу Одину, перед битвой приводивший себя в ярость. В сражении отличался большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли, безумием.

таким образом бесчестье; другие же лишились жизней. По этой причине ярл Эйрик запретил все дуэли в Норвегии и объявил всех разбойников и берсерков – возмутителей спокойствия – вне закона» («Сага о Греттире Сильном»).

Самыми ужасными воинами были берсерки (те, кто в бою сбрасывал все доспехи и сражался без *serk*, нательной кольчуги). Эти отважные воины, похоже, имели обычай при виде врага впадать в своего рода бешенство. Они завывали, изо рта у них шла пена, они кусали край своего щита и вводили себя в нечто вроде безумия, при котором они начинали считать себя – и их враги тоже – неуязвимыми. В какой мере эта ярость берсерка была истинной, а в какой – своего рода игрой, сказать невозможно. В любом случае психологический эффект оставался тем же самым. Безусловно, существует горячка боя, «кровавый туман», который в пылу битвы застилает сознание отдельных людей и придает им силы совершать такие поступки и переносить то, что в обычном состоянии они никогда бы не совершили. С другой стороны, мы узнаем из саг, что такая ярость порой охватывала берсерков без всякой видимой причины. Повествуя о двенадцати братьях, бывших берсерками, «Сага о Херварере» сообщает: «У них было заведено так, что когда они были только среди своих людей и когда они ощущали, что их охватывает неистовство берсерков, то они выходили на берег и сражались с большими камнями и деревьями, чтобы эта их ярость не обратилась на их друзей».

О двух берсерках, сопровождавших ярла Хакона, говорилось, что, «когда они приходили в ярость, они теряли свою человеческую природу и становились подобными богам; они уже тогда не боялись ни огня, ни железа, хотя в обычной жизни с ними вполне можно было иметь дело, если только не злить их».

Было ли бешенство берсерка вызвано неожиданным выбросом адреналина, или же это был искусный прием, нечто вроде психологической войны, но в конечном результате редко какой смельчак мог устоять против него. С другой стороны, как нам представляется, в ходе дуэли – если только противник перед началом поединка не был намеренно разъярен – преимущество всегда находилось на стороне хладнокровного, собранного фехтовальщика, а не того, кто пребывал в состоянии кусания щита. Как бы то ни было, берсерки считались опаснейшими соперниками, а знать и цари всегда старались иметь их в числе своих сторонников.

Постоянных армий у викингов, разумеется, не существовало, но каждый влиятельный землевладелец и знатный человек держал при себе столько воинов-дружинников, сколько мог себе позволить. Воинские качества таких дружин варьировались в зависимости от репутации и влияния их вождя. Знать и цари, знаменитые своими подвигами и щедростью, набирали лучших бойцов со всей Скандинавии. В залах их домов дружинники проводили зимние месяцы в пирах и празднествах, а с наступлением весны отправлялись в

набеги или шли сражаться.

Естественным образом, прибытие нового воина далеко не всегда служило поводом к радости уже привыкших к своему положению героев. Ревность и заносчивость становились причиной многих поединков, и вождям и царькам приходилось зачастую силой удерживать своих дружинников от того, чтобы те не поубивали друг друга.

Когда же происходила формальная дуэль, то она могла быть одного из двух видов: в которой не существовало никаких правил и которая проводилась по строгим правилам. В дуэли первого вида каждый из противников мог сражаться любым оружием, которое он выбрал, и пользоваться своим щитом. Во втором виде дуэли было принято, чтобы перед каждым из участников его друг держал щит. В отдельных случаях (а правила, как можно предположить, постепенно менялись) было позволено использовать до трех щитов. Когда первый из них приходил в негодность, сражающийся брал второй щит и т. д. Поле, на котором происходил поединок, было ограниченным. Дуэль, как это описано в «Саге Кормака», проводилась на пространстве, в центре которого помещался плащ.

«Таков закон поединка, что плащ должен находится в 3 метрах от одного конца до другого, с петлями по углам, в которые должны быть вбиты колышки... Вокруг плаща должны быть начерчены три квадрата, каждый из них по 30 сантиметров в ширину. Снаружи квадратов следует разместить четыре лунки, называемые ореховыми лунками; и поле, огражденное таким образом, называется ореховым полем.

Каждый человек должен иметь три щита, и, когда один щит станет бесполезным, он может стать на плащ, даже если до этого он на него не вставал, и после этого защищать себя своим оружием.

Тот, кто был вызван, должен нанести удар первым. Если один из сражающихся будет ранен так, что кровь упадет на плащ, он не обязан продолжать поединок. Если кто-то из сражающихся станет одной ногой за пределами ореховой лунки, то будет считаться, что он отступил; а если он ступит туда обеими ногами, то будет считаться убежавшим. Один человек должен держать щит перед каждым из сражающихся. Тот, кто получит больше ран, должен заплатить компенсацию за освобождение от схватки в размере трех марок серебром».

«Торгилс держал щит перед своим братом, а Торд Арндисарон перед Берси, который ударил первым и расколол щит Кормака. Кормак ударил Берси таким же образом. Каждый из них разрубил по три щита своего противника. Затем был черед удара Кормака, он ударил, но Берси отвел удар своим Хфитингом. Скофнунг отрубил кончик клинка, и этот кусок упал на руку Кормака, ранив того в палец, и кровь из пальца оросила плащ. Поэтому судьи вмешались и не позволили им продолжать схватку. Кормак сказал: «Не много славы обрел Берси из-за того, что произошло со мной, думаю, сейчас мы разойдемся».

Из этого отрывка становится ясно, что поединок отнюдь не обязательно должен был закончиться смертью одного из участников. Все это действо имело вполне законный характер. Также (и это весьма важно) победитель не считался виновным в причиненном противнику ущербе и не должен был

платить никакой «цены крови» – виры (штрафа). Более того, как повествует «Сага об Эгиле»: «...если он будет побежден, то у него будет взято все его имущество, а тот, кто убил его, получит все его в наследство».

Многие из смертей, описанных в сагах, могут быть определены как преднамеренное убийство. И здесь снова на ум приходят параллели между Скандинавией тех дней и американским Диким Западом. Ведь все эти рыцарские обычаи, вроде: «Доставай свой револьвер, мерзкий вор, и мы посмотрим, кто из нас прав!» – являются сплошной выдумкой Голливуда. Если отпетые убийцы времен Дикого Запада (возведенные в ранг идолов американскими подростками) намеревались убить человека, то они убивали его без всяких выкрутасов вроде вызовов. А если их жертва еще и проявляла беспечность, держа руки в карманах и стоя к ним спиной, то тем лучше.

Во времена викингов подобные убийства – многие оправданные обстоятельствами – обычно вызывали цепную реакцию кровной мести, по сравнению с которой родовая вражда горцев из Кентукки выглядит просто милым воскресным чаепитием добрых соседей. Подобная родовая вражда была обычным делом в большинстве варварских и получивилизованных племен, и, чтобы избежать ужасных убийств – и потенциальной опасности для всего племени в результате уменьшения его численности, – в большинстве таких обществ существовала система выплат «кровных денег», воз-

веденная в ранг закона и тщательно проработанная в зависимости от статуса убитого или раненого и степени причиненного ему ущерба.

В среде норманнов законы эти, регулирующие уплату штрафа, были одними из самых подробно прописанных. Ранение или убийство сразу же становилось делом всего рода; и уплата штрафа или же продолжение вражды зависели только от решения его членов.

Последствия убийства поставленного в Исландии вне закона Греттира Сильного Торнбьёрном Англom являются примером того, сколь далеко могли зайти родственники в желании смыть оскорбление кровью. Брат Греттира, Торстейн, живший в Норвегии, был тихим и скромным человеком, обладавшим изрядной собственностью. Торнбьёрн отправился было в Норвегию, но, опасаясь мести, добрался до Миклегарда (Константинополя), где и нанялся на службу к императору Византии. Прослышав об этом, Торстейн раздал все свое имущество родственникам и последовал за убийцей. Он также нанялся в варяжскую гвардию – знаменитый отряд выходцев из Скандинавии и Северной Англии, составлявший личную охрану восточного императора, и при первой же возможности убил Торнбьёрна мечом Греттира, которым убийца совсем еще недавно похвалялся.

После этого Стурла Законник должен был признать, что единственной причиной, по которой три тинга³ запомнили

³ Тинг – народное собрание у скандинавов в Средние века.

Греттира лучше, чем всех других поставленных ими вне закона, явилось то, что он был отомщен в Миклегарде — «чего еще никогда не случалось ни с одним исландцем».

Достаточно распространенной была ситуация, когда одна из сторон, вынесших свой спор на решение тинга, оставалась недовольна результатами арбитража и организовывала заговор, начиная этим новую кровавую цепь убийств. Несмотря на то что норвежцы в избытке располагали законами на все случаи жизни, у них отсутствовал механизм приведения их в исполнение. Знаменитые тинги, хотя и представляли собой значительный шаг вперед по пути к самоуправлению народа, отнюдь не были идеальны в своей практике, так что порой справедливость олицетворял тот, кто являлся на это собрание, ведя за собой наибольшее число вооруженных сторонников. Поэтому каждый человек привыкал к тому, что он в любую минуту должен быть готов постоять за себя с оружием в руках. И даже самые миролюбивые из скандинавов, доведенные до отчаяния жадными соседями или чересчур властным царем, были вынуждены порой снимать оружие со стены своего дома. Это упорное стремление к независимости, соединенное с почти всеобщим владением оружием, и делало скандинавов такими опасными соперниками на поле брани.

Тяга норвежцев к оружию и воинственным потехам находилась в полном соответствии с их религиозными веро-

ваниями. Как и можно предполагать, это была воинственная вера, не чуждающаяся вероломства и кровопролития, и в ней царили боги-воины и облаченные в шлемы и доспехи девы. Самой завидной долей для воина считалось пасть на поле брани, над которым реяли девы-валькирии, выбирающие самых достойных из павших. Этих дев-воительниц в полном воинском снаряжении великий Один посылал на каждое сражение с тем, чтобы они выбрали среди павших тех, кто был достоин вечно пребывать в Валгалле. Здесь, в жилище Одина, в чертогах для избранных героев («val» значит «избранный») могучие воины проводили время в пирях и богатырских забавах, а прекраснейшие валькирии прислуживали им. Вплоть до вечера богатыри сражались друг с другом, но с наступлением темноты раны их исцелялись, и победители вместе с павшими садились за пиршественные столы. Во время Рагнарока – последнего сражения, когда сами боги будут сражаться против сил зла, когда с цепи будет спущен ужасный волк Фенрир, когда весь мир погрузится в хаос крови и огня, – эти герои с обнаженным оружием тоже ринутся в бой под знаменем Одина.

Пятьсот сорок дверей,
Мне помнится, есть в Валгалле:
Восемьсот героев разом выходят через них,
Когда они идут на бой с волком.

В норвежской религии было нечто общее с фатализмом

ислама. Три норны, которые сидят, свивая нити судьбы, у подножия мирового ясеня Игдразил, правят жизнью людей и богов. Они символизируют прошедшее, настоящее и будущее.

И вышли три девы,
Знающие многие мудрости,
Вышли они из зала,
Стоявшего под деревом:
Одна из них звалась Урд,
Другая – Верданди,
И третья Скулд.
Они вырезают руны на деревянных плитках,
Они избирают судьбы,
Они дают законы детям людей,
Они выбирают судьбы людям,
И они же внесли хаос
В мир золотого века богов.

В мире все предопределено, и считалось, что человеку не подобает сражаться против своей судьбы. Для воина было постыдным мирно окончить свой век в постели. И многие из состарившихся вождей шли на битву, чтобы иметь возможность умереть в бою, с оружием в руках и таким образом приобрести право занять место в Валгалле.

Немаловажную роль в поднятии боевого духа норвежцев играли поэты, или скальды. Эти барды часто сопровождали вождей норвежцев в их военных походах, так что их описа-

ние сражений или поведения того или иного воина отражалось в песнях и передавалось из уст в уста во всех странах Севера. Восхваление или поношение скальдами (которые и сами весьма часто бывали незаурядными воинами) могло создать или разрушить репутацию любого из участников похода. Сражаясь под взглядами этих людей, норвежцы прилагали все силы к тому, чтобы не допустить ни малейшего проявления слабости, о которой потом стали бы распевать вокруг бесчисленных очагов долгими зимними вечерами.

«Рассказывают, что король Олаф (1015–1030) накануне битвы при Стикластадире выстроил своих дружинников, а потом создал *shieldburgh* (подвижный заслон из щитов, носимых группой воинов-телохранителей), который должен был прикрывать его во время битвы и для которого он выбрал самых сильных и самых отважных бойцов. Затем он призвал своих скальдов и просил их во время битвы оставаться в пределах *shieldburgh*. «Вы будете находиться здесь, – сказал король, – и сами увидите, что будет происходить, и тогда вам не надо будет никакой саги, чтобы сложить свои песни!»

Человек, вся жизнь которого проходила в сражениях или в подготовке к ним и надежда которого на вечность после смерти зависела от его доблести в бою, обладал значительным преимуществом перед противником, который имел куда менее воинственный характер. Помимо незаурядных боевых способностей скандинавы располагали еще и преимуществом в маневренности, равной или лучшей военной орга-

низацией, дававшими им преобладание сил в точке главного удара. Их безжалостность и ярость в бою подавляюще действовали на противника (эффект, который, вероятно, был тщательно просчитан) – тем более что его боевой дух и без того уже был подорван повторяющимися победами норвежцев. Хотя мы мало знаем об их полководческом искусстве, их руководство на уровне отдельных сражений и набегов было превосходным. Оно опиралось на сплоченность, поддерживающуюся определенным уровнем товарищества и ответственности и опирающуюся на доверие к испытанному и находчивому предводителю.

Когда предпринимались походы против других скандинавов (между норвежцами, шведами и датчанами, как и между более мелкими племенами, постоянно происходили стычки), отряды воинов вели в бой их вожди. Эти отряды (*sveiter*) объединялись в более крупные подразделения, называвшиеся *fylkings*. Определенной, строго установленной численности воинов для таких отрядов не существовало. Каждый *fylking* имел свой собственный стандарт. Единственным боевым строем, применявшимся очень часто, был *svinfylking*, или строй «свиньей», то есть треугольником или клином, в вершине которого находились самые лучшие воины.

Король Олаф накануне битвы при Стикластадире (1030) обратился к своим воинам со следующими словами:

«У нас большое и отличное войско. Сейчас я хочу рассказать вам, как я задумал построить моих воинов. Я хочу дер-

жать мое знамя в центре войска, а за ним будет следовать моя дружина... слева от него будет стоять Даг Хрингссон и те люди, с которыми он пришел к нам. У него будет другое знамя. Слева от моего *fylking* будут стоять люди короля Швеции... у них будет третье знамя. Я хочу, чтобы мои люди держались воедино, чтобы друзья и родственники стояли рядом, поскольку они знают каждый друг друга и будут защищать друг друга как можно лучше.

Чтобы отличать своих людей в бою, мы нарисует на наших шлемах и щитах знак войны, а именно – святой крест белой краской.

Нам придется выстроиться в редкую шеренгу, поскольку нас меньше, а я не хочу, чтобы они окружили нас.

Теперь же организуйтесь в *sveite*. Затем *sveiter* будут объединены в *fylkings*, и каждый воин должен будет знать свое место и держать в голове направление на знамя, к которому он принадлежит...» («Сага об Олафе Святом»).

Воины, сражавшиеся в тесном строю, шли в бой плечом к плечу, так что их щиты образовывали сплошную стену. Такая стена из щитов, *shieldburgh*, применялась также и при обороне, когда воины смыкались в плотный круг вокруг знамени.

В 1066 году король Норвегии Гаральд Гардрада провел крупное сражение при Стамфорд-Бридже против Гарольда Английского.

«Гаральд водрузил свой стяг, «Разоритель земель», и вы-

строил свою дружину, и организовал строй (*fylking*) длинным, но тонким; затем он завел фланги строя назад, так что они соединились один с другим, и получился широкий плотный круг; со всех сторон его прикрывали щиты, и также щиты сверху. Строй был выбран таким потому, что король знал, что конники врага будут наносить удары небольшими группами и тут же отступать; королевская же гвардия, отборные воины, находилась внутри этого круга, как и лучники, а также и ярл Тости со своими людьми. Затем король повелел ярлу выйти вперед и пребывать там, где будет нужнее всего. «Те из вас, кто стоит в строю в первых рядах, – сказал он, – должны упереть древки своих копий в землю, а острия направлять в грудь всадников, когда они будут стараться смять вас; те же, кто стоит за ними, должны целиться своими копьями в грудь коням; держите так копья, потому что вы не можете наступать; будем держаться так и не нарушим строй...»

Гардрада был опытейшим воином. В своей первой битве он сражался на стороне своего брата короля Олафа при Стикластадире, когда ему было пятнадцать лет. Когда он пал в битве при Стамфорд-Бридже, ему уже было пятьдесят лет; за прошедшие тридцать пять лет он сражался во многих странах – «все это время тревоги и война были его забавой». География его походов весьма показательна для демонстрации размаха действий норвежцев: он и его приверженцы сражались в Африке, на Ближнем Востоке, на Сицилии, в Италии,

Греции и Болгарии. Несколько лет он провел на службе у императоров Византии.

Выдержка из старой франкской летописи повествует о вторжении норвежцев в Испанию: «Норманны, пройдя по Гаронне вплоть до Тулузы, принялись безнаказанно грабить все окрестности по обоим берегам реки; один их отряд добрался до Галисии и там был уничтожен – частью высланными против них лучниками и частично случившимся штормом. Но другие, глубоко вторгшись в Испанию, вступили в долгие и жестокие сражения с сарацинами, однако в конце концов потерпели поражение и отступили».

Средиземноморское побережье Франции и Италии также подвергалось их нападениям: «Датские пираты совершили долгий вояж морем, поскольку они прошли под парусами между Испанией и Африкой, вошли в Рону, разграбили много городов и монастырей и обосновались на острове, который называется Камарга».

Несколько позже эти же самые датчане проследовали в Италию и разграбили там несколько городов, в том числе Пизу.

Небольшие отряды викингов обычно избегали нападать на обнесенные крепостными стенами города и селения, однако, если силы норманнов были значительны, а добыча, по их мнению, могла быть обильной, они были способны на основательную и длительную осаду. Примером такого рода действий может служить нападение на Париж – его осада про-

должалась с небольшими перерывами с ноября 885 по май 887 года. Силы вторгшихся норманнов были весьма значительны: «Семьсот судов под парусами и неисчислимое множество более мелких судов...»

Нападавшие, по всей видимости, были прекрасно знакомы с осадными приспособлениями своего времени: «Затем датчане соорудили, к изумлению всех видевших это, три огромные осадные машины – сущих монстров, о шестнадцати колесах каждый, сделанные из громадных дубов, связанных вместе, и под каждым был подвешен таран, укрытый под высокой крышей, внутри и по бокам которого могло укрыться, как говорят, по шестидесяти человек в шлемах».

Для защиты себя от стрел и камней осажденных норманны применяли передвижные укрытия и навесы. «Из шкуры, снятой с холки и хребта молодых бычков, датчане затем сделали около тысячи передвижных укрытий, каждое из которых служило для прикрытия четырех или даже шести человек».

Штурм города с использованием подобных укрытий описывается таким образом: «...они пошли на приступ, согнув спины под луками (то есть под стрелами, выпущенными из луков парижанами), за их спинами крепились луки, полные стрел, их мечи закрывали собой землю, их кожаные укрытия скрыли от взглядов Сену; тысячи свинцовых шариков взвились в воздух и, подобные граду, пали на город, а мощные катапульты обрушили камни на башни, которые прикрыва-

ли мост».

Подобно многим фортификационным сооружениям в Западной Европе в те времена, башни эти были сделаны из дерева, и, естественно, викинги попытались поджечь их: «Их грозные орды безуспешно пытались забросать хотя бы один ров или разрушить башню тараном. Разозленные тем, что им не удастся разбить нас в открытом поле, норманны взяли три из своих самых больших судов, быстро наполнили их целыми стволами деревьев, даже и с листьями, и подожгли их. Восточный ветер погнал эти суда, испускающие пламя, и викинги с помощью тросов стали подтягивать их вдоль берега, стараясь разрушить мост и поджечь башню...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.